

СКАЗКА ПЕРВАЯ,

в которой говорится
о зеркале и его осколках

Ну, начнём! Вот дойдём до конца нашей сказки, тогда будем знать больше, чем теперь.

Жил-был тролль, злой-презлой — сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором, всё доброе и прекрасное почти исчезало, а всё плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и казалось ещё отвратительней. Красивейшие виды, отразившись в нём, казались варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице сидела веснушка, она расплывалась во весь нос или щёку. Тролля всё это очень потешало. Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке. Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Только теперь, — говорили они, — можно видеть людей, да и весь мир, такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искажённом виде.

Напоследок ученикам тролля захотелось добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и Господом Богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, — трудно было в руках его удерживать. Всё выше и выше, всё ближе к Богу и ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело

на землю и разбилось вдребезги. Разбилось оно на миллионы, биллионы, несметное множество осколков, а эти осколки наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случилось, в глаза людям, да так там и оставались.

И вот человек с осколком в глазу начинал видеть всё наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь её дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились все свойства целого зеркала.

Другим людям осколки проникали прямо в сердце — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда.

Попадались между осколками и такие большие, что ими можно было бы застеклить оконную раму; но в окна с такими «стёклами» не следовало смотреть на своих добрых друзей. Иные осколки были вставлены в очки; но стоило людям надеть эти очки, чтобы лучше видеть вещи и вернее судить о них, как приходила беда. А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от щекотки. И много осколков зеркала всё ещё летало по свету. Послушаем же про них.

СКАЗКА ВТОРАЯ

Мальчик
и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть уголок для садика и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но их садик был побольше цветочного горшка. Они не были родственниками, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители этих детей жили под самой крышей — в мансардах двух смежных домов, которые стояли так близко друг к другу, что кровли их почти соприкасались. Окна одной семьи смотрели на окна другой, а под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся желобок. Таким образом, стоило только перешагнуть его, чтобы попасть к соседям, жившим напротив.

Обе семьи достали себе по большому деревянному ящичку и разводили в них коренья для супа и зелень. Кроме того, в каждом ящичке рос небольшой розовый куст; и кусты эти чудесно разрастались.

Однажды родители решили поставить оба ящичка на дно желобка, и тогда от окна одной семьи к окну другой протянулись как бы две цветочные

грядки. Плети гороха свисали с ящиков зелёными гирляндами, ветви розовых кустов переплетались и обрамляли окна — казалось, это триумфальные арки из листвы и цветов. Ящики были очень высоки, и детям запрещали на них карабкаться, но родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу в гости и сидеть на скамеечке под розами. Как весело им было играть здесь!

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна часто замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к обмёрзшим стёклам; лёд быстро оттаивал, появлялось чудесное окошечко — такое круглое-круглое, — и в нём

показывался весёлый, ласковый глазок: это переглядывались мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли попасть друг к другу, зимою же надо было сначала спуститься на много-много ступенек, затем подняться на столько же. А на дворе завывала метель.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчёл они бывают.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где снежный рой всего гуще; только она больше других снежинок и старается поскорее вернуться в чёрную

тучу. Часто летает она по городским улицам в полночь и заглядывает в окошки — тогда они покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это суцая правда.

— А Снежная королева не может ворваться сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть только попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, она и растает.

Бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

В тот вечер, когда Кай вернулся домой и уже почти совсем разделся перед сном, он вскарабкался на стул у окна и стал смотреть сквозь круглое окошечко в том месте, где лёд на стекле оттаял. За окном порхали снежинки; одна из них, очень крупная, упала на край цветочного ящика и вдруг начала расти. Росла-росла, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, который, казалось, был соткан из миллионов снежных звёздочек. Женщина эта, необычайно прекрасная, была вся изо льда, из ослепительного, сверкающего льда! И, однако, живая! Глаза её сияли как звёзды, но в них не было ни тепла, ни мира. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула, а мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но его сменила оттепель, а там пришла и весна. Солнце стало пригревать, показалась травка, ласточки принялись вить гнёзда под крышей, распахнулись окна, и дети стали снова сидеть в своём крошечном садике высоко над землёй.

В то лето розы цвели особенно пышно. Девочка выучила псалом, в котором упоминалось о розах, и, напевая его, она думала про свои розы. Девочка пела псалом мальчику, и он подпевал ей:

**Розы цветут... Красота, красота!
Скоро увидим Младенца Христа.**